
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЦЕЛЯХ ОТБОРА МАТЕРИАЛА ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ НЕФИЛОЛОГОВ КУЛЬТУРЕ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н.Н. Романова

Кафедра русского языка
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
2-я Бауманская ул., 5, Москва, Россия, 105005

В контексте диасинхронического подхода к изучению закономерностей лингвистических процессов охарактеризованы понятия «изменения» и «развития» языка, «относительного» и «абсолютного» его прогресса. С позиций лингводидактики рассмотрены примеры воздействия собственно лингвистических и экстралингвистических факторов на функционирование всех уровней языковой системы.

Необходимым условием формирования теоретико-методологической базы профессионально ориентированного обучения нефилологов культуре речевого общения является анализ закономерностей эволюции *языка* как вербально-знаковой системы кодировки и передачи информации и *речи* как функционирования этой системы в процессе коммуникации, — закономерностей, детерминирующих современное состояние и динамику тенденций языковой системы. Последние, в свою очередь, позволяют определить вектор и движущие силы ее развития, а следовательно, осуществлять в учебных целях отбор не только тематически актуального для профессиональной коммуникации, но и лингвистически продуктивного языкового и речевого материала.

Развитие языка как социального феномена, представляющего открытую динамическую систему со сложноорганизованной иерархической структурой, связано с внутренними, собственно лингвистическими, процессами и внешними, экстралингвистическими, событиями в языковом сообществе, коллективным творчеством которого он и создается. Интерес лингвистики к проблеме языковой изменчивости стабилен и закономерно возрастает в переходные общественные периоды, ибо в фокусе проблемы находятся аспекты не только лингвистические, но и философско-исторические, социально-политические, нравственно-этические и др. Обобщая направления и методологию изучения проблемы языковой изменчивости, Э.Ф. Володарская констатирует, что «развитие исследований в этой области прошло путь от исторического подхода в лингвистике, принятого в конце XIX., через синхронический подход XX в. к комплексному диасинхроническому подходу, установившемуся в конце XX — начале XXI в.» [1. С. 62].

Отмеченный интегративный подход, при котором диахронический (на континуальной временной оси) анализ языка способствует познанию особенностей его функционирования в синхронии (на временном срезе), позволяет объективировать процесс и результаты научной интерпретации законов языкового развития. В част-

ности, он позволяет более четко дифференцировать категории *изменение* и *развитие* в лингвистической терминологии: небесспорной считается такая оценка явления, при которой «изменение каких-либо единиц языка, их связей и отношений и т.п., не ведущее к совершенствованию языка, рассматривается как его развитие»; в то же время термин «развитие» имеет двойную трактовку, обозначая «либо переход единицы языка из одного состояния в другое (например, развитие суффикса из самостоятельного слова), либо процесс приспособления языка к растущим потребностям общения» [2. С. 159].

Многоаспектностью рассматриваемых явлений обусловлена конкретизация термина «развитие»/«прогресс» определениями *относительное* и *абсолютное*, акцентирующими результат данного процесса во временных координатах. Относительный прогресс обычно проявляется в коррекции языковых механизмов, имеющей характер «волнообразного движения: что-то «улучшается» на одном участке языковой системы и одновременно «ухудшается» на другом» [2], (например, когда фонетические трансформации, гармонизирующие механизм произношения, оказываются в противоречии с их графическим отображением и создают «проблемные зоны» в письменной коммуникации, что актуализирует проблему пересмотра соответствующих нормативов). Абсолютный прогресс языка выражается в его приспособлении к социальной эволюции и возможности обозначения усложняющейся картины мира познающим мышлением (например, в отражающем развитие науки, техники, культуры расширении состава общеупотребительной и специальной лексики, упорядочении синтаксиса), в обслуживании потребностей общения в различных сферах, ситуациях, типах и видах речевого взаимодействия. По отношению к языку настоящей эпохи разграничение продуктивных, перспективных и малопригодных, преходящих явлений всегда затруднительно в силу одновременности бытования тех и других и «отсутствия в огромном большинстве случаев корреляции между развитием мышления и материальными средствами его выражения» [2. С. 160].

Современное состояние лингвокультурной среды, в которой формируется языковое сознание национального сообщества в целом, профессионального в частности, является объектом пристального внимания ученых-экспертов, осуществляющих системные исследования в сопряженных областях общего и русского языкознания, когнитивной, функциональной лингвистики, психо- и социолингвистики (см. работы Н.Д. Арутюновой, Т.М. Балыхиной, Н.С. Валгиной, Л.А. Вербицкой, О.Я. Гойхмана, Л.К. Граудиной, Е.А. Земской, И.А. Зимней, Ю.Н. Караулова, М.Н. Кожинной, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, О.А. Крыловой, Л.П. Крысина, О.А. Лаптевой, А.К. Михальской, О.Б. Сиротининой, Ю.В. Рождественского, И.А. Стернина, М.Ю. Федосюка, В.М. Шаклеина и др.). В многоплановом освещении проблемы все исследователи исходят из первичности экстралингвистических факторов (социальных и коммуникативных) как источников воздействия на язык, отмечая двойственность этого воздействия.

Так, демократизация всех сфер жизни общества, породившая плюрализм сознания и социально-политической деятельности разнородных социальных слоев

и групп, оказала позитивное воздействие на язык, которое проявилось в ускорении всех его процессов с целью адаптации к меняющейся действительности: оперативном пополнении лексики и фразеологии, возрастании вариативности словообразовательных и синтаксических моделей. С другой стороны, перманентное реформирование основных социальных сфер, общая неупорядоченность жизни породили напряженность и агрессию, импульсивный тип речевого взаимодействия (вспомним популярное телешоу В. Соловьева «К барьеру!») как доминанту коммуникативной парадигмы общества. Активизация стихийной публичной деятельности, вытеснение подготовленной письменной речи спонтанной устной формой коммуникации предопределяют волонтаристское использование языковых средств в речевой практике современников, злоупотребление нелитературными разновидностями языка, сниженной экспрессивной лексикой, что расшатывает нормативную базу языка. Отмеченные факторы плюс интенсивное развитие информационных технологий, обеспечивающих интерактивность коммуникации, привели к кардинальным «лингвориторическим переворотам» (А.А. Ворожбитова) в языковом сознании общества, которое в постсоветскую эпоху оказалось не готово к новым моделям дискурса, свободе речетворчества (часто отождествляемой с вседозволенностью), инокультурной экспансии.

Попыткой обобщения и систематизации лингвистических факторов развития языковой системы и использования ее разноуровневых ресурсов современной практикой речевого общения являются исследования Т.М. Балыхиной, которая указывает на необходимость учета в оценке трансформаций языка действия объективных законов его развития: «Один из них — закон системности; другой — закон традиций, сдерживающий инновации; далее — закон аналогии, подрывающий основы закона традиций, а также действуют законы экономии (наименьших усилий в выражении мысли) и противоречий (готовящий как бы «взрыв» изнутри)» [З. С. 4]. Так, проявлением закона традиции служит, по мнению исследователя, сохранение ударения в глагольных формах (*включить* — *включит*, *звонить* — *звонит*, *обеспечить* — *обеспечение* и т.п.), закона аналогии — уподобление одной формы другой (*читать* — *читаю* и *махать* — *махаю* (разг.) вместо *машу*), закона речевой экономии — в употреблении, особенно в устной речи, усеченных форм (*ксеро/копировальный аппарат* — *ксерокс*; *методические пособия/указания/рекомендации* — *методичка*; *Декан напомнил, что началась сессия*. — *Декан напомнил о начале сессии*), в аббревиатурах (*КЗОТ, МРОТ, ИНН, МГТУ, РУДН, УМО, ВАК* и др.).

Наряду с действием названных законов в русском языке активно происходят разнонаправленные процессы, среди которых выделяется тенденция к упорядочению языка в сторону большего аналитизма при сохранении в целом присущей ему синтетичности. Полярность этих тенденций отражает диалектику развития языка, история которого отмечена неоднократной аккомодацией системы путем саморегуляции аналитических и синтетических механизмов. И сейчас действие этих механизмов, как правило, осуществляется одновременно: например, официальная письменная речь не допускает склонения аббревиатур на согласный (*по требова-*

ниям ГОСТ/по ГОСТ, о постановке МХАТ/в постановке МХАТ), а в разговорной речи и СМИ широко представлены их флективные варианты (по требованиям ГОСТа/по ГОСТу, о постановке МХАТа/в постановке МХАТом). Действием названных механизмов вызваны изменения на всех уровнях языковой системы, причем на каждом из них, с одной стороны, наблюдаются естественные трансформации норм в виде гармоничных новообразований, отражающих нормальную эволюцию языка как живого организма; с другой стороны, имеют место неоправданные искажения, отражающие сбои в функционировании системы.

Так, изменения **на уровне фонетики** отражают: а) усиление «графического» произношения [чн] вместо [шн] (*булочная, перечница*, кроме слов *конечно, скучно, нарочно, яичница* и женских отчеств *Ильинична, Никитична, Фоминична* и др.); б) образование акцентологических вариантов (*творог — творог, петля — петля, ржаветь — ржаветь*); в) тенденцию к ритмическому равновесию при постановке ударения, в том числе в иноязычных словах (*бармен — бармен, маркетинг — маркетинг*), при устойчивости тенденции к сохранению исходного ударения производящего слова (*зубчатый — зубчатый, мастерски — мастерски*).

В то же время налицо немотивированные нарушения императивных орфоэпических норм: а) ошибочное ударение (в существительных: *договор* в формах единственного и множественного числа, *эксперт, каталог, досуг*, сложных словах со второй основой *-провод, мышление, средства, апостроф, жалюзи* и др.); в глагольных формах: *начать, углубить, облегчить, закупорить, ходатайствовать, баловать, звонит, обеспечение* и др.; в прилагательных: *новорожденный, премированный, экзальтированный, красивее* и др.); б) искажение качества звука в различных фонетических позициях (*заем/займа, истекий/истек* и др.); в) необусловленные акустические новообразования (*кос[т]ные взгляды, инци[н]дент, преце[н]дент, дерма[н]тин, конста[н]тировать* и др.).

На уровне лексики и фразеологии активные преобразования связаны с лавинообразным увеличением объема знаний (удвоение каждые 10 лет), активизацией спонтанной речевой практики, публичной коммуникации. Адаптацию лексики к базисным и ментальным трансформациям социума наглядно отражают:

1) уход из употребления «советизмов» — словоформ, обозначающих реалии минувшей эпохи: *совхоз, райком, соцобязательства, народно-демократическая республика* (образчик тройной тавтологии), *СССР, КПСС, ВЛКСМ, КГБ*;

2) возвращение в активный словарь деидеологизированных историзмов и лексики, относящейся к духовным традициям: *предприниматель, губернатор, Дума, гильдия, гимназия, лицей; благотворительность, покаяние, милосердие*;

4) расширение значения известных слов: парк (технопарк, аквапарк), клуб (фитнес-клуб), дом (торговый дом), палата (Счетная/Общественная палата);

5) создание новых фразеологизированных выражений, сокращенных словоформ, отражающих реалии времени: *отмывать деньги, лицо кавказской национальности, спецназ, ОМОН, МЧС, СМИ, ОСАГО, ЕГЭ*, и др.;

6) возникновение клишированных моделей на базе метафор СМИ, рекламных слоганов: силовые структуры, культовая/знаковая фигура, серая зарплата, вызовы времени, рекламная пауза и др.;

7) переход из специальной в общеупотребительную целого пласта лексики и фразеологии, главным образом из сферы науки, техники, технологий: *файл, сайт, дискета, флэши-карта/флэшика* (разг.), *монитор, принтер, плейер, адантер*;

8) детерминологизация специальной лексики в общелитературных метафорах: считывать/скачивать/сканировать информацию, утечка мозгов, звездная болезнь, алгебра успеха, энергетика сознания;

9) активизация окказионального словотворчества: прихватизация имущества, церителлизация искусства, жури журило конкурсантов.

К негативным явлениям, отражающим воздействие неблагоприятных факторов социально-экономической жизни, насаждение СМИ «вкусовых» предпочтений малокультурных слоев населения и публичных деятелей, относятся:

1) формирование «знакового» словаря эпохи на базе жаргонизмов и арготизмов: *гламурный* (очаровательный, обольстительный), *крутой* (богатый, преуспевающий), *тусовка* (общение), *беспредел* (беззаконие); *раскрутить/развести* (вынудить заплатить), *отмазать/ся* (откупить/ся), *кинуть* (предать) и др.;

2) жаргонизация специальной лексики, особенно в сфере компьютерных технологий, ее употребление в общеязыковой практике: *клава* (клавиатура), *железо* (детали системного блока), *глюк* — *глючить* (оптический обман), *зависать* (не реагировать), *отмылеть/отмылить* (отослать по электронной почте) и др.;

3) вытеснение англицизмами слов исконных и заимствованных, давно функционирующих в русской речевой практике: *менеджмент* (вместо *управление*), *имидж* (вместо *образ*), *месседж* (вместо *сообщение*), *сэндвич* (вместо нем. *бутерброд*), *слоган* (вместо нем. *лозунг*), *дисплей* (вместо фр. *экран*);

4) активизация использования нецензурной лексики (включая письменную речь), эвфемизмов с «прозрачной» семантикой: *блин, японский городовой* и т.п.;

5) противоположная предыдущей тенденция к немотивированному употреблению слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *попить молочка, добавить маслица, распрямить спинку, Доброго здоровьица!* (из лексикона ведущего одноименной телепередачи «Малахов +» и гостей студии).

В морфологии, несмотря на ее известную консервативность, также происходят позитивные процессы, отражающие усиление в языке аналитизма:

1) продолжающееся сокращение числа вариативных падежных форм: а) родительного падежа количества в параллельных формах на *-а* и *-у*: *сахара* — *сахару, чая* — *чаю*, где вторая постепенно утрачивается вместе со значением конкретного количества; б) то же в предложном падеже: *в отпуске* — *в отпуску*; при наличии вариантов выбор определяется контекстом, предложениями: *в кругу семьи* — «*В круге первом*» А.И. Солженицына, *в огороде* — *в саду, на Кавказе* — *в Крыму*;

2) тенденция к несклонению большего количества существительных: а) русскоязычных топонимов на *-ино, -ово/-ево* (в разговорной речи, в СМИ): *в Переделкино, вблизи Бутово, из Шереметьево*, причем этот процесс является выраженным и стабильным, «несмотря на усилия нормализаторов» (Э.Ф. Володарская); иноязычных топонимов в сочетании с административными номинациями: *в Королевстве Бельгия, в штате Вирджиния* — и антропонимов на *-о, -е, -ово, -аго*: *Шев-*

ченко, *Витте*, *Дурново*, *Живаго* (ср. работа В.В. Виноградова 1928 г. «*Язык Зо-щенки*»); б) первых частей сложных слов с дефисным написанием: *на диван-кроватьи*, *в плац-палатке*; при этом во многих случаях, в частности в профессиональной лексике, предпочтительно склонение обеих частей: *на заводе-изготовителе*, *к ракете-носителю*, *инженером-конструктором*, *в плане-проекте*; в) аббревиатур, оканчивающихся на гласный: *ЮНЕСКО*, *МГУ*, *АСУ*, *ЕГЭ*; в то же время добавляются окончания к согласному в разговорной речи, неофициальных письменных текстах: *в ГОСах*, *ВАКом*;

3) случаи несклоняемости числительных: а) в функции приложений: *ГОС-2*, *Олимпиада-2014*; б) в обозначении нумерации, параметров: *дом двадцать один*, *рукопись объемом 20 листов*, *дистанция длиной три километра*;

4) обозначение существительными мужского рода (двуродовыми) профессий/должностей женских лиц: *министр*, *президент*, *директор*, *врач*, *инженер*, *доктор наук*, *профессор*, *майор* и т.п.; указания на род даются в контексте, форме сказуемого, согласуемых определениях: *Губернатор В.И. Матвиенко открыла заседание*; *Молодой доцент Иванова приняла зачет*;

5) использование единственного числа для обозначения собирательности, значение которой определяется контекстом, т.е. аналитически: *Встреча со зрителем/читателем*; *Клиент всегда прав*; *Студент обязан посещать занятия* — при наличии традиционных моделей множественности: *клиентура*, *студенчество*;

Нарушения в морфологии связаны с несоблюдением норм, как-то:

1) пренебрежение правилами склонения числительных: *более двести депутатов*, *к вос[емьсот]сорока избирателям*, *в дву[х]тысяч[но] седьмом году*;

2) нарушения в выборе родовой формы существительных, прилагательных, местоимений: *новое бра*, *правый тужель*, *солнечное Сочи*, *обоими палатами*;

3) неуместное опущение/присоединение окончаний в падежных формах существительных: *пять килограмм[ ] апельсин[ ]*, *две пары носок[ ] и чулок[ов]*.

На уровне **словообразования** естественные процессы языкового развития обнаруживают себя в таких явлениях, как:

1) активизация моделей с семантическим стяжением: *промзона*, *теракт*, *госсекретарь*, *гендиректор*, *Росвооружение*, *Газпром*, *Минобрнауки* и др.;

2) активизация свертывания наименований: *Рублевское шоссе* — *Рублевка*, *МГТУ им. Н.Э.Баумана* — *Бауманка*, *платежное поручение* — *платежка* и т.п.;

3) активизация словоформ с одиночными приложениями: *продавец-консультант*, *топ-менеджер*, *интернет-кафе/-магазин*, *Call-центр* и т.п.

Однако активизация ряда словообразовательных моделей отражает и негативные процессы «жаргонизации» языка, примерами которой служат:

1) свертывание наименований: *наличные деньги* — *наличка/нал*, *платить наличными деньгами* — *платить налом*, *оборонная промышленность* — *оборонка*;

2) образование словоформ-«неологизмов» по аналогии с существующими: *волнительно*, *смотрибельный*, *читабельный*, *диссертабельный*, *видеотекарь* и т.п.

На уровне **синтаксиса** также наблюдаются активные преобразовательные процессы, которые отражают внутреннее движение языка в сторону аналитизма

и внешнее — в сторону адаптации к парадигмам и моделям устной коммуникации. Эти процессы наиболее ощутимы в изменении функций пунктуации:

1) точка часто используется сегодня как конструктивный элемент парцелляции, используемой для передачи интонаций и структуры живой речи: *О чем этот фильм? О любви. О судьбе. О верности и предательстве;*

2) двоеточие нередко выполняет функцию ритмического ограничения и компрессии высказывания, актуальных для публицистического стиля: *ЕГЭ: «за» и «против»; Образовательный потенциал России: состояние и развитие;*

3) тире активно используется для оформления пропусков при передаче значений условия, времени, сравнения, противопоставления, следствия с оттенком неожиданности, передающим экспрессивность речи: *В 2006 году — 2006 золотых медалистов, От часов — к зачетным единицам.*

«Наперекор» пунктуационным нормам оно употребляется для:

а) конкретизации смысла: *Проверка показала — приказы не выполняются;*

б) обособления однородных членов после обобщающего слова: *Черты образования XXI в. таковы — распределенность, доступность, измеримость, применимость;*

в) отделения придаточной части от главной: *Необходимо понять — в чем причины отставаний.*

Отмеченная «ревизия» пунктуационных норм — явление относительно новое и еще не получившее должной лингвистической оценки. Ясно лишь, что оно находится в русле разговорной стихии, «размывающей» традиционные границы речи письменной. В то же время категорически неприемлем «конструктивный брак» синтаксической структуры высказывания:

1) нарушение грамматических связей между элементами конструкции: а) управления: *согласно приказа, сколько время, оплачивать за проезд, по завершению работы, в течении 20 дней;* б) согласования: *Ряд студентов были отчислены за неуспеваемость; Работа должна быть выполнена к 10 апрелю* и др.;

2) построение дефектных конструкций с деепричастным или причастным оборотами: *Проведя испытания, ему стали видны недостатки проекта; Работа посвящена теме, давно исследующейся автором* и т.п.;

3) построение дефектных конструкций с последовательным подчинением придаточных частей: *Эта тема исследуется в ряде работ автора, которые он создал вместе с учениками, которые развили данное научное направление* и т.п.;

4) построение конструкций по заимствованным (англо-американским) моделям: *У меня проблемы; Нет/Без проблем; Оставайтесь с нами, оставайтесь на первом!; Ты в порядке?/С тобою все в порядке? Ты уверен?* и т.п.

В заключение следует отметить необходимость убеждения учащихся в том, что нарушения норм вследствие их плохого усвоения или пренебрежения ими ослабляют способность языковой системы адекватно оформлять (и формировать!) продуктивную речемыслительную деятельность носителей языкового сознания, их взаимодействие. Последнее «всегда происходит в конкретном коммуникативном пространстве» как совокупности сфер речевого общения, в которой определенная

языковая личность может реализовать *в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами* [курсив наш — *Н.Р.*] необходимые потребности своего бытия» [4. С. 255]. Комплексный анализ состояния и тенденций развития языка, его способности обслуживать «потребности бытия», в том числе в профессиональной сфере, определяет отбор тематически актуального и лингвистически продуктивного языкового материала, его лингводидактическую интерпретацию в содержательных модулях обучения нефилологов культуре речевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Володарская Э.Ф.* Лингвистический и социолингвистический образ русского языка: прошлое и настоящее (К проекту «Исторического словаря русского языка») // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». — Т. 2. — М.: РАН: РALH: Московский ин-т иностранных языков, 2007.
- [2] *Языкознание: Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- [3] *Балыхина Т.М.* Русский язык на рубеже тысячелетий: активные процессы в современном русском языке // Совершенствование методики преподавания русского языка в высших учебных заведениях Китайской Народной Республики: Сб. научно-методических статей. — М.: Изд-во РУДН, 2006.
- [4] *Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс. РКИ. — М.: ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003.

THE LINGUADIDACTIC ANALYSIS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE STATE AND FUNCTIONING IN PURPOSES OF CHOOSING THE MATERIAL FOR PROFESSION ORIENTED NON-PHILOLOGISTS SPEECH COMMUNICATION TEACHING

N.N. Romanova

Department of Russian Language
The Bauman Moscow State Technical University
2-nd Baumanskaya str., 5, Moscow, Russia, 105005

Within the context of diasynchronic approach to learning the predictable linguistic processes the terms of «changing» and «developing» are characterized and specialized by the conceptions of «relative» and «absolute» progress. The linguadidactic interpretation for the examples of the linguistic and extralinguistic influence on the language system of all levels functioning are presented.